

ННТDANONMIECMYAPY/ПОДГРИФОМ9D2V5Q1M9
F5789NTDV5Q1MD2NU<СЕКРЕТНО>WTEG3F5789HNR5Q3F578
ЛЕОНИД КОЛОСОВ

РАЗВЕДЧИК
В ВЕЧНОМ ГОРОДЕ
ОПЕРАЦИИ КГБ В ИТАЛИИ

Мемуары под грифом «секретно»

Леонид Колосов

**Разведчик в Вечном городе.
Операции КГБ в Италии**

«Алисторус»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колосов Л. С.

Разведчик в Вечном городе. Операции КГБ в Италии /
Л. С. Колосов — «Алисторус», 2017 — (Мемуары под грифом
«секретно»)

ISBN 978-5-906947-74-1

Как подружиться с «крестным отцом» сицилийской мафии Николо Джентили и узнать от него о готовящемся государственном перевороте в Италии. Как в ходе многочисленных интервью с премьер-министром Италии Альдо Моро получать эксклюзивную информацию о текущей деятельности и планах правительства. Как встретиться с Отто Скорцени. И как избежать соучастия в покушении на испанского диктатора Франко. Об этих и других операциях КГБ честно и подробно рассказал подполковник советской внешней разведки Леонид Колосов, который более 15 лет проработал в Италии собственным корреспондентом газеты «Известия». Среди коллег журналистов его называли одним из «золотых перьев». А среди разведчиков он считался асом шпионажа.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906947-74-1

© Колосов Л. С., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Кто есть кто?	6
Разведчик в Вечном городе	12
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Леонид Колосов
Разведчик в Вечном городе
Операции КГБ в Италии

© Колосов Л.С., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Кто есть кто? (Вместо предисловия)

Пути Господни неисповедимы. Вряд ли кто будет оспаривать сию библейскую истину. И тем не менее, да простит мне Всевышний такое сравнение, далеки они от воистину неисповедимых путей разведки...

Представьте себе Рим, куда, как утверждают, ведут все дороги. 1972 год. 12 мая. Остается уже не так много до отъезда на родину собственного корреспондента газеты «Известия» в Италии Леонида Колосова, то бишь вашего покорного слуги, которому во дворце Сант-Анджело¹ в этот день вручается медаль «Золотой Меркурий», действительно из чистого золота высокой пробы. Событие, в общем-то, неординарное, ибо впервые обладателем столь престижной награды становится советский журналист за значительный, как сказано в официальном протоколе, вклад в укрепление дружеских связей между Итальянской республикой и Советским Союзом. Награду преподносит председатель Совета министров Италии Джулио Андреотти. На торжестве присутствует Альдо Моро. Тот самый блестящий итальянский политик Альдо Моро, весть о трагическом убийстве которого в марте 1978 года потрясла весь мир и в гибели которого западная пресса почти единодушно поспешила обвинить «мастеров мокрых дел» из советских спецслужб...

Думаю, что вряд ли кто из присутствовавших в то время на торжестве и тепло аплодировавших новому обладателю награды знал, кто стоит в этот момент перед ними. И, наверное, никогда не узнал бы, если бы не целый ряд событий и обстоятельств. Во всяком случае, через два десятка лет, 11 июня 1992 года, приглашенный в Рим за «круглый стол» итальянского телевидения, посвященного обсуждению проблем терроризма, все тот же Леонид Колосов был представлен почтеннейшим коллегам по дискуссии и всем итальянским телезрителям как подполковник бывшего Первого главного управления (внешней разведки – Л. К.) бывшего Комитета государственной безопасности бывшего Советского Союза. И, конечно же, как бывший экскорреспондент «Известий» в Италии с многолетним опытом. Не удивился, а скорее сделал вид, что не удивился, лишь сидевший рядом со мной начальник СИСМИ² – итальянской контрразведывательной службы – генерал Федерико Умберто д'Амато³. «Дорогой подполковник, – добродушно усмехнувшись, сказал он, обращаясь ко мне перед началом телепередачи, – я просмотрел Ваше дело перед этой встречей. Оно довольно объемистое и весьма любопытное. Нас кое-что смущало в Вашей прежней деятельности. Но не было явных признаков шпионажа, ибо журналистика – самое хитрое прикрытие для людей вашей профессии. Вас очень много печатали в „Известиях“, и все, что Вы делали, в целом шло на пользу и Италии, и СССР. Кроме того, вы работали, вероятно, с очень надежной агентурой. Никто Вас не заложил за столько лет пребывания на Апеннинах. Кстати, завтра мы смогли бы с Вами пообедать, а потом я бы мог показать досье бывшего собственного корреспондента Леонида Колосова...» – «Я очень благодарен Вам, генерал, за любезное приглашение, – отвечал я, – но завтра в десять утра мой

¹ Речь идет о Замке Святого Ангела (ит. Castel Sant'Angelo, англ. Castle of the Holy Angel) – высоком круглом замке, возвышающемся над Римом, чей облик хорошо запоминается и выделяется на панораме города. Также известен как Мавзолей Адриана (ит. Mausoleum of Hadrian), иногда называемый Печальный Замок. Замок Святого Ангела долгое время играл центральную роль в римской жизни, так как являлся папской резиденцией. Сейчас эта крепость выполняет роль архитектурного памятника, внутри которого функционирует музей и временные выставки (Примеч. ред.).

² SISMI (Служба информации и военной безопасности) – была создана в 1978 году и в 2002 году была ликвидирована в ходе реформ спецслужб. Состояли из четырех дивизионов: внешняя разведка, контрразведка; обработка информации (аналитика) и борьба с оргпреступностью (Примеч. ред.).

³ Федерико Умберто д'Амато (1919 – 1 июля 1996 года) никогда не был руководителем СИСМИ. С 1957 года по 1974 год он занимал высокий пост в МВД Италии (Примеч. ред.).

самолет улетает в Москву...» – «Жаль, очень жаль. Тогда в качестве приятного сюрприза к отъезду открою еще один давний секрет: наша служба визировала в свое время награждение Вас „Золотым Меркурием“...»

Не подумайте, ради Бога, что я раскрылся за «круглым столом» на итальянском телевидении. Все произошло немного раньше, и в Москве. Вообще профессиональному разведчику не положено обнародовать свое инкогнито, за исключением тех случаев, когда он или проваливается, или же отбывает в мир иной. Что же толкнуло меня на этот неординарный шаг? Скажу прямо: то шоковое состояние, которое я испытал, увидев на телевизионном экране, как под улюлюканье распоясавшейся толпы, возглавляемой новоявленными «демократами», с пьедестала сорвали статую Феликса Дзержинского. Только отупевшие вконец люди могут обращаться подобным образом со своей историей. Вспомним, что даже разгневанные древние римляне оставили памятник Нерону, который, как известно, сжег Рим. Почему? Потому что Нерон был личностью. Дзержинский тоже был личностью. Конечно, может быть, не стоит спешить с памятниками вообще. Бездарностям их ставить вряд ли следует, особенно при жизни.

Далее, на внешнюю разведку, я подчеркиваю – на внешнюю разведку, с легкой руки тех же самих мертворожденных «демократов» полилось столько клеветы и грязи, что я просто не выдержал. С полной ответственностью и чистой совестью утверждаю, что разведчики, которых я знал и которые работали не только в Италии, но и в других странах, не были ни наемными убийцами, ни стукачами, ни продажной сволочью. Имелись, разумеется, отдельные исключения. Но где их не бывает? Конечно, внешняя разведка не богодельня, но многие из нас придерживались древнего гиппократовского постулата – «не навреди»... Если можно, конечно.

Из тринадцати полных лет, прожитых в Италии, девять из них проработал я как сотрудник советской внешней разведки. Прибыл я в Италию в звании старшего лейтенанта, а уехал подполковником. Внеочередные звания присваивались, как вы сами понимаете, не за красивые глаза. Но я вел всегда – повторяю, всегда – честную игру и ничего мерзостного не сделал стране, в которой работал как разведчик и журналист. Поэтому, когда стащили удавкой «железного Феликса» с пьедестала и пришло решение рассказать о перипетиях моей деятельности, в которой не было ни убийств, ни доносов...

А тут еще случай подвернулся. Василий Кикнадзе – ведущий известной телепрограммы «Золотая шпора» – что-то и от кого-то узнал о моем «двойном дне», тем более что на голубых экранах и в печати пробежала волна мемуаров бывших разведчиков. У меня тоже истек срок давности и явилось желание поведать всю правду о себе в назидание разномастным врунам и молодому поколению. Так вышла в телеэфир передача «Риск в жизни разведчика», ибо и сама жизнь, и работа моя были не совсем ординарными. Попал я в разведку не по своей воле, а в результате «партийного набора в органы» после расстрела шефа госбезопасности «английского шпиона» Лаврентия Бери и ликвидации его аппарата, и ушел тоже необычно. Бывший главный редактор «Известий» Лев Толкунов был близким другом председателя КГБ СССР Юрия Андропова и однажды попросил его отпустить «по-доброму» способного газетчика, чтобы дать ему подольше потрудиться на ниве журналистики. Мой уход из органов тоже стал своего рода легендой, ибо, как утверждала бытовавшая среди нас поговорка, «из КГБ уходят двумя путями: или в наручниках, или вперед ногами в красном гробу».

Мне как кандидату экономических наук, темой диссертации которого была итальянская экономика, повезло и в том отношении, что сфера деятельности в римской резидентуре была весьма обширна и затрагивала наиболее невралгические точки внешней и внутренней жизни Италии.

На другой день после выхода в эфир «Золотой шпоры» ко мне в гости пожаловали московский корреспондент итальянской газеты «Стампа» Джульетте Кьеза и представитель РАИ – итальянского радио и телевидения – Джан-Пьеро Симонтакки. После частичного удовлетворения своего интереса к «собственному корреспонденту КГБ в Риме» они-то и организовали

совершенно фантастическую мою поездку в вечный город и выступление за телевизионным «круглым столом»...

Поместили меня по прибытию в Рим в роскошном отеле «Рафаэль» неподалеку от знаменитой своими фонтанами площади Навона. Сразу же ко мне был приставлен «хвост» – мне его без труда удалось вычислить, уж очень невнимательно он читал газету в вестибюле. Да и, переодеваясь ежедневно, не мог, конечно, изменить свою яркую внешность. Думаю, что это был один из добрых знаков гостеприимства моих хозяев. Два дня из четырех я был предоставлен самому себе. На второй день собкор «Известий» Миша Ильинский повез меня «поздороваться» с морем в местечко Фриджене, что в полусотне километров от Рима. Боюсь, за этот день мой телохранитель получил нагоняй – мы ушли от него. Температура воды была около пятнадцати градусов, не больше, но я не мог отказать себе в удовольствии окунуться в давно забытые волны Адриатики. Тут откуда ни возьмись примчался спасатель и обругал меня сочным итальянским матом за опасное, по его мнению, несезонное купание. Я ответил ему тем же, но, естественно, на свой манер. «А, русский», – сказал разочарованно спасатель и, махнув рукой, ушел... А потом был день работы с итальянскими телевизионными журналистами и сам прямой эфир «круглого стола» с очень популярным в Италии ведущим – красавцем Корrado Ауджасом, который, услышав мой итальянский, авторитетно заявил, что мне абсолютно противопоказан переводчик. Мне задали очень много вопросов. Особенно интересовались именами агентов, с которыми я работал в Италии. Я ответил, что в свое время клятвенно обещал каждому унести их имена с собой в могилу и клятвы не нарушу. Другое дело – операции, особенно на шумевшие и не только на Апеннинах... Да, а затем третий день моих «римских каникул» стихийно перешел в четвертый. По русскому обычаю, после окончания телепередачи я угостил оставшихся привезенной из Москвы «Столичной». Наша водка, да еще в экспортном исполнении, да еще в бутылках по 0,75 литра, – это вам не какое-то «Кьянти» или «Фраскати». Мы разошлись очень веселые и только в два ночи. Как говорят, хорошо посидели. А в шесть утра я вышел из отеля и побрел пешком к Ватикану, на его знаменитую площадь. Нежным перезвоном начали свою утреннюю песню колокола собора Святого Петра. Вставало солнце. Я прощался с Римом здесь. Arrivederci Roma, до свидания, Рим. А может быть, прощай, кто знает?

Я очень люблю Италию. Ее древнюю землю, рафаэлевское небо, синие волны всех четырех морей, омывающих Апеннинский сапог, и, конечно же, ни на кого не похожих певучих жителей его. Может быть, я люблю Италию не меньше, чем Россию. Может быть, ибо отдано было ей около пятнадцати лучших и самых сложных лет жизни.

А потом пришло время засесть за мемуары, ибо кто расскажет о том, что сегодня и мне самому кажется фантастикой. Еще раз повторю, что отнюдь не тщеславие двигало мною. Я собирался оставаться тем, кем был, вернее, тем, за кого меня принимали. Вот, кстати, как представлял меня популярный журнал «Столица», когда в эксклюзивном порядке напечатал отрывок одной из первых глав моих мемуаров:

«Журналист-международник Леонид Колосов достаточно известен читающей публике. Много лет он был собкором „Известий“ в Италии. Лауреат премии Союза журналистов, дважды лауреат премии КГБ СССР в области литературы и кино (за книгу „Совершенно секретно“ и двухсерийный кинофильм „Досье человека в „Мерседесе““, поставленный по мотивам его политического детектива „Прощайте, господин полковник!“), лауреат престижной итальянской премии „Золотой Меркурий“ – за вклад в дело укрепления дружественных связей между тогда еще Советским Союзом и Италией. Автор и соавтор более трех десятков книг, киносценариев и пьес... Подполковник внешней разведки КГБ СССР Леонид Сергеевич Колосов был известен лишь весьма ограниченному кругу людей из Первого главного управления Комитета госбезопасности...»

Но речь в этой книге пойдет не только обо мне. За три десятка лет журналистской работы, которая, как вы уже поняли, оказалась надежной «крышей» и для моей разведывательной деятельности, мне довелось писать о достаточно широком круге известных и менее известных советских разведчиков – как тех, с которыми довелось встречаться, так и тех, чьи судьбы остались лишь на страницах досье и иных архивных материалов. Помогло в раскрытии «шпионской тематики», разумеется, и то обстоятельство, что я был «своим» и мне редко отказывали в помощи коллеги из «Детского мира», так в шутку и ныне называют в народе здание КГБ...

Ким Филби и Рихард Зорге, Джордж Блейк и Шандор Радо, Рудольф Абель и Конон Молодой, Ван Энгеланд и Харро Шульце-Бойзен со своими соратниками из трагически погибшей в Берлине разведывательной группы «Красная капелла»... Многим знакомы эти имена. О всех них написаны были мною в «застойные времена» репортажи, очерки и повести, в которых основным побудительным мотивом смертельно опасной работы моих героев была неистребимая верность марксизму-ленинизму и, конечно же, горячая любовь к великому Советскому Союзу вместе со всеми его вождями. Я, как автор, прекрасно понимал, что все это вранье. В той или иной степени, но вранье, без которого ни одна из публикаций не проскочила бы через сито кагэбевского пресс-бюро с его железными цензорами.

Ну, кто бы пропустил трагический монолог разведчика-интернационалиста Шандора Радо (шеф нашей внешней разведки Ян Берзин присвоил ему ласковый псевдоним «Дора»), когда он, сидя напротив меня, рассказывал с глаза на глаз о своей несчастной судьбе? За три дня до начала Отечественной войны Радо сообщил на основании материалов, полученных через агентуру из канцелярии Гитлера, что она начнется ранним утром 22 июня, он передал затем массу ценнейшей информации из своего разведцентра в Швейцарии, а вернувшись в Советский Союз за заслуженными наградами, угодил в концлагерь, где просидел до самой смерти Сталина, который и санкционировал его арест как ненадежного агента... «Был бы был жив Джугавшвили, – завершил Шандор нашу беседу, – я бы плюнул в кошачьи усы этого убийцы за искалеченные человеческие судьбы и неверие в людей...» Как вы сами понимаете, эта фраза осталась неиспользованной в моем журналистском блокноте... Ну, кто бы поверил в те времена, когда я писал о Рихарде Зорге, что тот же великий вождь всех времен и народов отказался спасти от петли легендарного разведчика, хотя японцы предлагали обменять его на одного из своих резидентов, которого изловили наши славные чекисты. А ведь именно Зорге, он же «Рамзай», еще 6 марта 1941 года отправил в Москву копии секретных документов – телеграмм Риббентропа немецкому послу в Токио о запланированном нападении Германии на Советский Союз во второй половине июня, 19 мая сообщил точные данные о сосредоточении на западных границах СССР 150 немецких дивизий, а 15 июня, за неделю до нападения, буквально рискуя жизнью, сумел переправить в Центр короткое, но фатальное сообщение: «Война начнется 22 июня». Но товарищ Сталин не поверил и этому донесению. А потом, конечно же, не мог простить никому своей ошибки. О Рихарде Зорге начали говорить уже после смерти Иосифа Виссарионовича и то неохотно. Смутила любовная связь «Рамзая» с американской журналисткой Агнесс Смедли, которая вроде бы работала на секретную службу США...

В какой-то из недавних телевизионных передач об асе британской секретной службы и полковнике советской разведки Киме Филби прозвучали из уст ведущего новые нотки о странной судьбе этого человека, обосновавшегося после своего провала в Бейруте в 1963 году до конца своих дней в Москве. Глубоко разочарованный в том, что получилось из социализма в России, Филби не скрывал этого в своем последнем интервью. Он умер странно в 1988 году, то ли покончив жизнь самоубийством, то ли, согласно официальной версии, от сердечной недостаточности на почве неумеренного злоупотребления спиртными напитками. Выяснилось из интервью, что и советская секретная служба не до конца доверяла Киму Филби, считая его чуть ли не «двойником»... Кто знает? Большую часть собственных тайн любой разведчик уносит с собой в могилу. Мне довелось с одним из своих коллег из «Известий» брать интервью у

«Тома» (таков был псевдоним Филби) незадолго до его загадочной смерти. И тогда разговор получился невеселым. Наш собеседник сетовал на «непонимание и недоверие» своих советских коллег. На мой вопрос, какая разница между двумя в общем-то родственными дефинициями – разведчик и шпион – грустно промолвил: «Можно ответить или очень кратко, или спорить до бесконечности. Так вот, если в двух словах, то для Советского Союза я – разведчик, а для Англии, моей родины, – шпион». Во время разговора мы спросили в шутку у старого маэстро шпионажа, приходилось ли ему, подобно Джеймсу Бонду, стрелять на вскидку и с обеих рук одновременно по многочисленным врагам своим. Филби, помню, грустно улыбнулся и сказал: «Разведчик, если он настоящий разведчик, стреляет лишь один раз в жизни. Когда у него нет иного выхода...»

Разочарование – не такое уж редкое явление у людей, особенно на закате жизни. У разведчиков оно страшнее, ибо постоянный риск, в котором проходит большая часть их жизни, должен быть чем-то оправдан. Но что могли сказать на обломках социализма, кроме матерных слов, и Рудольф Абель, и полковник бельгийской разведки Иоганесс Ван Энгеланд, которому наша контрразведка подсунула девицу, ставшую затем, вопреки всем хитрым интригам наших чекистов, его верной женой. Я встречался с ними и, конечно же, не мог написать тогда, что разуверились эти люди и в Марксе с Энгельсом, и в Ленине со Сталиным, а самое главное – с нескрываемой горечью предсказывали тот бардак, который неизбежно, по их мнению, должен был начаться в любимой, по-настоящему любимой ими России. Собственно, так оно и произошло...

Мне так и не удалось пока опубликовать шесть очерков о моем друге – замечательном разведчике-нелегале полковнике Кононе Молодом. Я не обмолвился: именно друге, ибо пять лет мы проучились вместе в бывшем Московском институте внешней торговли и очень дружили, но тогда он уже был разведчиком и пополнял свое образование для будущей нелегальной работы, а я готовился стать экономистом. А потом наши дороги пересеклись, когда Конон, который проходил по учетам КГБ под кличкой «Бен», а в Великобритании был известен как преуспевающий бизнесмен Гордон Лонсдейл, был арестован в Лондоне и приговорен к двадцати пяти годам тюрьмы. Через пять лет его обменяли на английского разведчика Гревилла Винна, завалившегося в Советском Союзе, и Конон вернулся в родную Москву. Я уже тоже работал в Первом главном управлении КГБ, но сидел под «крышей» в газете «Известия», готовясь к выезду за рубеж. Мне и поручили взять первое интервью у старого друга. Молодой уже знал, что я стал его коллегой. «Не миновала, Ленька, и тебя чаша сия, – начал он разговор после крепких объятий. – Смотри, не обмишурься. После неудачи на тебя смотрят косо, да и вообще ты никому уже не нужен, особенно после того, как побывал к тому же в руках чужой контрразведки». Мы долго сидели в тот первый вечер. Никакого интервью не получилось. Какое там, к черту, интервью. Мы просто сидели и разговаривали.

– Ты удовлетворен своей судьбой? – спросил я друга. – Той двойной жизнью, которую прожил в опасностях и постоянных тревогах... Да и ради чего ты все это делал?

– Знаешь, Ленька, не буду ханжить, хотя ты и коллега. Но я тебе верю, как старому институтскому товарищу. Не ради светлого коммунистического будущего играл я в нелегальную рулетку, а ради самого себя, ибо работа моя была тем наркотиком, без которого нынешнее существование кажется мне нудным и никчемным. Впрочем, не внимай столь серьезно крамольным речам моим. Тебе еще трудиться. Поэтому, если нет идеала, создай его себе сам. И помни, что разведчики редко умирают своей смертью, ибо самый любимый разведчик для нашего начальника – разведчик мертвый, к тому же если он еще и завалился...

А примерно через месяц поздно ночью позвонил мне домой наш общий приятель с институтских времен и сиплым от горя голосом сказал: «Сегодня умер Конон...» – «Как?!» – «Гулял в подмосковном лесу с женой, нагнулся и упал, то ли с инсультом, то ли с инфарктом. Врача ведь рядом не было».

И вспомнилось, как рассказывал мой покойный друг о некой знаменитой лондонской хиромантке, которая на одном из великосветских раутов, взяв его ладонь, предрекла ему недолгую тюремную отсидку, возвращение в страну, где он родился, а также внезапную смерть, которая может прийти и не естественным путем. Унес свои тайны и Конон Молодой, не все и не до конца раскрыла ему хиромантка.

И я, грешный, верю предсказаниям. У меня тоже была на заре туманной юности своя хиромантка, которая явилась, правда, в образе старой цыганки при весьма банальных обстоятельствах. Но об этом в следующей главе.

Разведчик в Вечном городе Операции КГБ в Италии

Часть первая

Глава 1 Легенды и были Вечного города

...Представьте себе Актюбинск, захудалый казахский городишко, куда в начале 1942 года эвакуировали невесть зачем московский рентгеновский завод, размещавшийся напротив знаменитой Елоховской церкви. В эвакуацию пришлось отправиться и нашей семье, поскольку мой отец работал на заводе главным бухгалтером и считался по тем временам «номенклатурой». В Актюбинске родитель продолжал вести финансовые дела предприятия, а я, шестнадцатилетний шалопай, уже вкалывал фрезеровщиком пятого разряда, поражая своего мастера-учителя необыкновенной сообразительностью в обработке всяких заумных деталей, требующих высокой квалификации и опыта...

В тот мартовский день мы, компания молодых «ударников-производственников», получили премию за выполнение срочного оборонного заказа и, распив несколько бутылок самогона, отправились в приподнятом настроении на местный базар – единственное место для развлечений горожан, заменявший собой и эстрадный театр в лице разножанровых бродячих музыкантов и певцов, а также цирк «Шапито», ибо изобилдовал высококвалифицированными жуликами, которые могли бы дать сотню очков вперед любому фокуснику даже европейского класса.

На рынке было полно цыганок, и одна из них, старая, замызганная бабка в разноцветных лохмотьях, привязалась к нашей подвыпившей компании, предлагая погадать и достоверно рассказать любому из нас о его прошлом, настоящем и будущем. Мы решили испытать правдивость гадалки, хотя по тем временам не верили никому, кроме вождя всех народов и великого полководца товарища Сталина, который убедил даже бывших уголовников, составлявших ядро квалифицированной рабочей силы нашего рентгеновского предприятия, получившего секретное название «завод № 692», что враг будет разбит и победа будет за нами... Выбор в качестве объекта предсказаний пал почему-то на меня, видимо, из-за веселости характера, и, отвалив старой цыганке целую пачку потрепанных советских дензнаков, мои дружки сунули под ее горбатый нос мою мозолистую ладонь с въевшейся под кожу и не смываемой даже бензином производственной грязью. Горбоносая гадалка, внимательно изучив линии ладони, почмокала губами и довольно печально посмотрела на меня.

Прошлое твое, касатик, вижу не бедным и не богатым. Ты – единственный и любимый сын у родителей. Мать тяжело болела, а отец очень заботился о ней и никогда не изменял своему супружескому долгу. Господь призовет ее первой к себе из вас троих. Ты обязательно вернешься в то место, где родился, и поступишь в благородное учебное заведение. А жизни отведено, сынок, судьбой немало. До семидесяти точно доживешь, как тот долгожитель, чья душа переселилась в тебя. А был он мореходом и жил в одной заморской стране, где доведется побывать и тебе в зрелом возрасте. Две законных жены обретешь, и родят они троих дочерей, несмотря на то, что по бабам бегать будешь, как мартовский кот. Скрасят дочери старость твою, не бросят и не забудут. Жизнь предстоит интересная, но беспокойная и опасная. Ближе к смерти-матушки ходить будешь. Но все обойдется. А доживать дни доведется в окруже-

нии любящих людей, не в нищете, но в болезнях... А теперь иди с Богом, касатик, и спасибо, что не обидел старуху щедростью своей.

– Спасибо и тебе, бабуся. Но скажи мне, пожалуйста, а чего мне больше всего бояться в жизни?

– Бояться? Да ничего не бойся. Только вот в карты не играй. А то не только без денег, но и без порток останешься.

Цыганка хрипло засмеялась, заржали и дружки, ибо знали пристрастие мое к карточной игре, особенно в «двадцать одно», в которой слыл я непревзойденным асом. Игра-то примитивная, для дураков, вообще. Но мне всегда везло. Просто так везло, без всякого шулерства. Каким-то седьмым чувством знал я, какие карты находятся у моего супротивника и какая пойдет ко мне. И вот однажды, после моей встречи с цыганкой-гадалкой, сел играть против меня бывший политзэк Кузьма Иванович. Еще в мирное время он как-то в нетрезвом виде неуважительно высказался о вожде всех народов Иосифе Виссарионовиче, выступая с речью на кухне коммунальной квартиры. Возмездие, как тогда бывало, последовало незамедлительно. И оказался Кузьма Иванович в конечном итоге, после отсидки, разумеется, на нашем оборонном предприятии... Проиграл я ему в «очко» все наличные деньги, гордость свою – карманные часы с цепочкой, затем зарплату за месяц вперед... «Вот что, малый, – сказал после моего тотального поражения КуАма Иванович, – дам я тебе возможность отыграться. Ставь свои новые портки на кон (а я их купил на базаре за бешеные по тем временам деньги) против всего твоего проигрыша. Возьмешь банк, я все верну. Продуешь – пойдешь домой с голой задницей. Идет?» Я открыл двадцать очков. У Кузьмы Ивановича оказалось очко, то есть двадцать одно. И вот дождливым осенним вечером побрел я домой без штанов...

Мать била меня палкой, и очень долго. Я не сопротивлялся, ибо чувствовал свою вину. Отец за меня не заступился. Я его тоже понял. И с тех пор ни разу в жизни не взял в руки карты. Кстати, вспомнил я и шутивное предостережение старой гадалки. Тогда по легкомыслию я решил, что это всего лишь случайное совпадение. А вот сейчас поражаюсь тем давним предсказаниям вещуньи и о моем прошлом, и о настоящем, и о будущем, которое ныне тоже стало прошлым.

Но начну все-таки с прошлого. Когда я начинаю вспоминать о детстве, перед глазами неизменно возникают две маленькие фигурки в освещенном январским морозным солнцем Собиновском переулке. Раньше он назывался Малым Кисловским переулком, кривым коленом, соединявшим Арбатскую площадь с улицей Герцена. А начало ему давало высокое здание, которое по довоенным меркам можно было бы назвать небоскребом в низкорослой Москве. В народе его прозвали «Моссельпром», по имени торгового объединения, занимавшегося производством и реализацией сельскохозяйственных и промышленных товаров. Именно о нем написал Владимир Маяковский такие слова: «Нигде, кроме как в „Моссельпроме“». Известно, что знаменитый поэт был большим мастером и торговой рекламы. Ему, кстати, приписывают еще один рекламный шедевр в стихах: «Если хочешь быть сухим в самом мокром месте, покупай презерватив в Главрезинотресте». Правда, шедевр нигде почему-то не напечатали...

«Моссельпром», корабельным килем обращенный к Арбату, дает жизнь трем ручейкам-переулкам: слева и справа от Малого Кисловского берут начало Калашный и Нижний Кисловский. Но они не конкуренты Малому Кисловскому. На нем в тогдашние времена, помимо «небоскреба», размещались театральное училище имени Луначарского, два посольства – Латвии и Эстонии, музыкальная школа при консерватории, а в конце переулка, выходящего на улицу Герцена, – театр Революции, в котором восходила звезда артистки Бабановой... Но самой уникальной достопримечательностью на Кисловском был небольшой двухэтажный особняк, окруженный столетними кленами, в котором долгие годы жил великий русский тенор Леонид Витальевич Собинов. Потом клены спилили, особняк снесли, и на его месте выросла

казарма для жизнерадостных пожарников, которых очень любили розовощекие и толстозадые молочницы с Арбатского рынка...

Разломав последнее прибежище гениального певца, люди, видимо, пожалели о содеянном и переименовали переулок в Собиновский... Но я еще застал и особняк Собинова, и Малый Кисловский переулок. Все детство с самого рождения прошло здесь. И мама – Елизавета Станиславовна – подарила мне жизнь в родильном доме на Арбате у «Грауэрмана», как называют это учреждение и ныне – по имени известного профессора-акушера, и первые шаги сделал я в школьном саду, примыкавшем к музыкальной школе при консерватории, и первые мальчишеские баталии происходили здесь, на Среднем Кисловском – еще одном Кисловском переулке, на который выходит своим задним фасадом Московская консерватория. Мальчишки и девчонки называли переулок «Вниз по матушке», ибо зимой булыжная мостовая переулка превращалась в хорошую накатанную горку, по которой можно было лихо промчаться на санках, лыжах или коньках...

Я вместе с папой Сергеем Григорьевичем – главным бухгалтером Московского рентгеновского завода, и мамой – бывшей вышивальщицей мастерских Большого театра, жил в коммунальной квартире старого, но крепкого дома, на четвертом этаже. Раньше эта квартира принадлежала известному в свое время врачу-педиатру Овсянникову. После революции врача уплотнили, оставив его дочери с семьей две комнаты. Еще в двух комнатах разместился парикмахер Евлампий Сидорович с многочисленными чадами и домочадцами, остальные занимали по комнате – всего семь семей. Жили на редкость дружно. Овсянникова-дочь всех лечила, парикмахер стриг, бывший генеральский повар Арсений Никитич готовил удивительные блюда по всяким торжественным случаям. Его жена Анна Яковлевна пекла вкусные пироги, а моя мама всем что-нибудь вышивала. Все это делалось бесплатно, на основе, так сказать, взаимного обмена услугами...

А тогда, в солнечный январский день, мы с моим другом детства и соседом по коммуналке Лелькой Овсянниковым решали проблему: идти играть в «казаки-разбойники» или приступить к чтению книги дореволюционного издания, которая неодолимо влекла меня своим кожаным переплетом с золотым тиснением, весьма любопытными иллюстрациями и подозрительно осторожным отношением к книге родителей. Решив, что «казаки» нас подождают, мы с Лелькой уселись на полу, прихватив том с золотым тиснением. На титульном листе книги красивым шрифтом было начертано: «Огюст Форель. Половой вопрос. Издание... 1905 год». Вначале мы с большим интересом просмотрели необычные картинки с обнаженными мужчинами и женщинами и отдельными фрагментами их организмов, а потом приступили к чтению вслух. Особенно увлекла нас глава о способах любви у примитивных племен и народов, которую гнусавым голосом, захлебываясь от волнения, читал забывший воспользоваться носовым платком Лелька. Мы настолько увлеклись, что совершенно упустили тот момент, когда вошла в комнату вернувшаяся с базара мать. «Вы что же это делаете, голубчики?» – зловеще произнесла она, поняв суть нашего прилежного сидения на полу. Я получил жесточайшую трепку немедленно. Лелька, интеллигентной бабушке которого все тут же было рассказано, – десятью минутами позже. Мрачность положения усугубляло высочайшее обещание рассказать все отцу. Этого я боялся пуще всего на свете. Забегая вперед, скажу, что отец ни разу в детстве меня пальцем не тронул. Наверное, потому, что все конфликтные проблемы мы разрешали с матерью до его прихода с работы. А тут предстояло что-то новое. Я ожидал рокового вечера с чувством приговоренного к смертной казни. Как ни странно, отец подчеркнуто спокойно отнесся к темпераментному монологу моей матушки, требовавшей немедленной расправы надо мной при помощи отцовского ремня.

– Дурачок, ты не то читаешь. Дойдет дело и до Фореля. А сначала полистай-ка вот эту...

Порывшись в своем книжном шкафу, он вытащил потрепанный том. Книга мне сразу не понравилась. Прежде всего – толстая, потом фамилия у автора труднопроизносимая – Джова-

ньоли, да и заголовок непонятный – «Спартак». «Если про футбол, – недоуменно подумал я, – то почему так много?»

Книгу читал я взахлеб. Резко упала успеваемость, и дневник запестрел тройками. Но книжку у меня не отбирали, пока не была перевернута последняя страница. Усидеть дома и не рассказать о римских гладиаторах было просто невозможно.

Поначалу разновозрастная братия с нашего двора весьма скептически восприняла мое горячее желание изложить в конспективной форме произведение Рафаэлло Джованьоли «Спартак». Мальчишки и девчонки были увлечены выступлением Володьки Киру по прозвищу Жиган – верховода и драчуна. Жиган сидел на приступке парадного входа в дом и, терзая одну-единственную струну балалайки, надрывно пел о том, как «мать свою зарезал, отца своего убил, сестренку-комсомолку в колодце утопил...» Жиган явно тяготел к уголовщине. Задумчиво ковырявшая в носках аудитория с одобрением отнеслась к новому песенному шедевр Жигана. Размягченный успехом, он милостиво разрешил: «Пусть Сова – такое прозвище мне дал Володька – рассказывает. Если будет неинтересно, то нос ему расквашу».

Нос мой в тот раз не пострадал. Я рассказывал историю необыкновенного фракийца ровно три дня. И после того, как начала подозрительно сморкаться Лидка Кротова, она же Мотыга, допущенная в мужскую компанию за то, что бесстрашно лазила на крышу по пожарной лестнице, а также безвозмездно снабжала Жигана отцовскими набивными папиросами с необычно длинными мундштуками и медово пахнущим табаком, наш предводитель взял слово. «Отныне, – твердо заявил он, – Сову можно лупить только с моего разрешения. Все мальчишки будут делиться на легионеров и гладиаторов, а ЛАка будет зваться не Мотыгой, а Валерией...» Мне как первооткрывателю удивительной истории предстояло перевоплотиться в Красса, а за собой Володька Киру остарил роль Спартака. Но, как безапелляционно заявил он, в битве буду побеждать не я его, а он меня. В противном случае Жиган опять-таки обещал «расквасить» мой многотрадальный нос.

Наши «битвы» продолжались долго, очень долго. В игру втянулись мальчишки и девчонки из других домов и дворов, пока в один прекрасный день ее не прекратило активное вмешательство участкового, которого все время подзуживал наш дворник Тихон, яростно невзлюбивший древнеримскую историю. А потом началась война...

22 июня 1941 года... Было воскресенье, но не просто воскресенье. В этот день маме исполнилось тридцать пять лет. Соседка Анна Яковлевна с утра поставила тесто для пирогов, отец ушел на Арбатский рынок, чтобы снабдить Арсения Никитича сырьем для «генеральского» жаркого. Мне же поручили сбегать в магазин «Гудок» на улице Герцена – купить сахару и разных конфет для гостей, которые должны были прийти на торжество. И вдруг заговорили все репродукторы на улицах и площадях. Такое случалось только по праздникам, но это был, увы, не праздник...

Как-то очень быстро опустел двор. Кто уехал в эвакуацию, кто в деревню, подальше от начавшихся бомбежек. В августе я сдал вступительные экзамены в Московский электромеханический техникум, но учиться не пришлось. В сентябре учебное заведение эвакуировали куда-то за Урал, и я пошел работать на отцовский рентгеновский завод учеником фрезеровщика. Запомнилось 13 октября 1941 года. Вернувшись с работы, я застал мать за странным занятием: она сжигала в нашей голландской печке гениальные произведения вождей Великой Октябрьской революции товарищей Ленина и Сталина, а также другие книги и брошюры социалистического содержания, включая работы Карла Маркса и его верного коллеги Фридриха Энгельса. Я был потрясен кошунственным отношением моей принципиальной в вопросах этики родительницы к работам классиков марксизма-ленинизма.

– Мам, ты что же, родная, делаешь?!!

Мама оторвалась от своего инквизиторского занятия и растерянно посмотрела на меня:

– Ты ничего не знаешь, сынок?

– Нет, ничего нового...

– Немцы под Москвой... Могут занять город и нас всех расстреляют за эти книжки. А так, если ничего не найдут крамольного, может и уцелеем...

– Мама, ты что, с ума сошла? Наша Москва устоит, обязательно устоит. Товарищ Сталин сказал, что победа будет за нами...

– Дай Бог, чтобы товарищ Сталин оказался прав. Вся Москва бежит.

– А мы не побежим! Вот придет отец, он тебе даст за сожжение его библиотеки.

Отец, к моему удивлению, одобрил действия матери. «Осторожность никогда не мешает, сын, – сказал миролюбиво он. – Нам, видно, придется остаться в Москве. Надо быть готовыми ко всему...»

Приятеля со двора разъехались кто куда. Жигана посадили за воровство, и он, как стало потом известно, погиб под Москвой в штрафном батальоне. Я же вкалывал по десять часов на заводе, гордо отдавая зарплату матери, и проявлял все больший интерес к противоположному полу, чему в немалой степени способствовала Лидка Кротова, оставшаяся вместе с родителями в Москве и позволявшая в редкие минуты свиданий залезать ей под юбку...

А потом разгром немцев под Москвой и неожиданная сенсация, принесенная в феврале 1942 года моим отцом: «Мать, надо срочно собираться. Завод эвакуируют в Актюбинск. Я ведь в номенклатуре, надо ехать».

Так мы и поехали в поезде, который добирался до Актюбинска почти целый месяц. Вот тут-то я и получил на всю жизнь глубокое отвращение к железной дороге. Здесь, в вагоне, поймал первых вшей, познал унижение, стоя в очереди около единственного сортира, когда подпирало так, что хотелось убить всех впереди стоящих. Единственную книгу взял. В далекое и мучительное путешествие я взял с собой книгу, которая меня спасала от всех бед и грустных мыслей. Вы, конечно, догадались, какую... Правильно! Это был «Спартак» Джованьоли. О, как мне помогла эта книга! В ночную смену в цехе, где я работал, как вы уже знаете, фрезеровщиком, довольно часто вырубали электроэнергию, и бывшие эки, собравшись вокруг меня, с увлечением слушали о подвигах и любви сентиментального римского гладиатора. От уголовников и я, в свою очередь, набрался полезных житейских премудростей, которые потом оказались бесполезными в моей будущей разведывательной работе. При помощи незатейливой железяки я научился открывать довольно сложные замки, не раздумывая, бить первым, когда нависала угроза быть избитым даже превосходящими силами противника, не предавать друзей, если они оказывались не совсем порядочными людьми, обязательно отдавать долги, особенно карточные, и самое главное, я научился каким-то шестым чувством отличать порядочного человека от фраера, то бишь сукиного сына. А сие чрезвычайно важно в разведывательной работе – сразу же почувствовать, с кем ты работаешь: с честным агентом или с подставой контрразведки противника. А жизнь между тем преподносила все новые и новые сюрпризы. Подцепил я в Актюбинске тропическую лихорадку, и местные эскулапы сказали отцу, что излечить меня от этого изматывающего недуга сможет лишь перемена климата. И вот отец, используя свои старые связи, добился от министра электропромышленности товарища Алексина перевода меня с оборонного предприятия № 692 в городе Актюбинске на оборонное предприятие НИИ-627 в городе Москве, что находилось неподалеку от метро «Красные ворота». Научно-исследовательский институт работал над усовершенствованием турелей, а проще говоря – вертушек с пулеметами для самолетов-бомбардировщиков, и разрабатывал всякие хитрые штуковины для оборонной промышленности. Приехав в Москву в марте 1944 года, мы с матерью поселились у моего деда Григория Петровича, частного сапожника, в его подвале и опять же в Собиновском переулке. Комнату в коммунальной квартире заняла в наше отсутствие семья разбомбленных москвичей, и вернуть ее не удалось. Мама пошла работать в свои производственные мастерские Большого театра и скоро стала основной кормилицей, ибо была великолепной мастерицей по художественной вышивке, водила дружбу с тогдашними

великими певицами, и особенно тесную – со знаменитой меццо-сопрано Марией Петровной Максаковой. Я специально упомянул ее, ибо имел совершенно удивительную встречу много-много лет спустя с ее дочерью Людмилой, ставшей драматической актрисой Вахтанговского театра, и не где-нибудь, а в сказочной Венеции. Но об этом немного позже...

Мой друг детства Лелька Овсянников вернулся с флота, где проходил службу в должности юнги. Был он весь израненный и не просыхал от пьянства, пропадая целыми днями в компании таких же, как и он, алкашей-фронтовиков. Наши пути разошлись в основном потому, что он потерял ко мне всякий интерес. Лидка Кротова, она же Мотыга-Валерия, моя детская любовь, исчезла куда-то из Москвы вместе со своей семьей, и мои взоры обратились на ее подругу Вальку, которая была года на три постарше меня. Мы быстро нашли общий язык и начали регулярно поздними вечерами в укромном уголке под лестницей ее парадного заниматься любовью. Я преуспел в амурных делах еще на рентгеновском заводе в Актюбинске, где большинство работающих были тридцатилетние женщины, отправившие своих мужей и женихов на фронт. Смазливый и темпераментный юноша с неустоявшимися моральными принципами пришелся им по вкусу. «Ах ты наша проституточка», – ласково говорила очередная пассия, передавая меня после кратковременного, но интенсивного использования своей ближайшей подруге. Очередь была неиссякаемой, учитывая значительное расширение производственных площадей нашего оборонного предприятия. Дело дошло до того, что измочаленный моими соратницами по постели до предела, я решил податься в монахи. Впрочем, намерение это прошло с приездом в Москву.

А Валька, между тем, в перерывах между любовными утехами начала заводить крамольные разговоры о том, что мечтает вместе со мной создать крепкую советскую семью и иметь много-много детей. Я очень испугался такой перспективы и стал нахально пропускать наши нежные свидания под лестницей. Валька обиделась, вышла замуж за инвалида Великой Отечественной войны и навсегда покинула наш дом. Я же с тех пор, знакомясь с очередной подружкой, в первый же дебют любовных игр елико возможно трогательно и нежно говорил: «Лапушка моя, я тебя безумно люблю, но жениться мне абсолютно противопоказано районным врачом-психиатром. Учти это и на меня не рассчитывай». Срабатывало сие безотказно. Подружка или быстро сматывалась от меня, либо, махнув рукой на все и вся, бросалась в омут грешной любви.

Дела мои в научно-исследовательском институте шли неплохо. Я вкалывал в опытном цехе фрезеровщиком шестого, высшего, разряда, обрабатывая уникальные штампы для всяческих оборонных изделий, и получал уже в два раза больше матери, что было немаловажно, ибо отец все еще оставался в Актюбинске на заводе, где не могли найти нового главного бухгалтера ему на замену. Мы с матерью жили дружно, душа в душу, без скандалов и склок, я огорчал ее лишь своими частыми ночными отсутствиями по причине амурных походов. Кроме того, я начал играть в джазе, ибо обнаружился нежданно-негаданно талант ударника. Лимит времени урезался еще и тем, что я, как активный комсомолец, вел большую общественную работу в институтской многотиражке и начал заканчивать свое неполное среднее образование в вечерней школе рабочей молодежи, которая размещалась рядом с НИИ-627 в одном из небольших переулков около Красных ворот. Три недостающих класса закончил я за полтора года – тогда такое было возможным. А потом – неожиданный и опять же «гадалкин» поворот судьбы. В августе сорок шестого года райком комсомола направил меня, «передовика-производственника», на учебу в Московский институт внешней торговли, то бишь, как говорила цыганка, в «благородное учебное заведение», правда, со сдачей вступительных экзаменов, хотя комсомольская путевка сыграла тогда не последнюю роль, ибо, сдав все экзамены на «пятерки», по иностранному немецкому языку схватил я все же «тройку». Плохо знал я немецкий...

Да, это было великолепное, я бы сказал, элитарное, учебное заведение, готовившее внешнеторговых специалистов высокой квалификации. Находилось оно в тихом Бабушкином пере-

улке между Красными воротами и Елоховской площадью. Позднее институт, хорошо не подумавши, вместе с уникальными профессорами и преподавателями. «влили» в качестве одного из факультетов в Московский государственный институт международных отношений.

Итак, август 1946 года. Абитуриенты – люди не очень юные. Подавляющая часть – бывшие фронтовики и те, кто годы войны, прервав учебу, работал на заводах, заканчивая среднее образование в вечерних школах рабочей молодежи. Конона Трофимовича Молодого, уже тогда разведчика, я заприметил сразу, хотя он ничем особенным не отличался от других ребят. Вот только имя его поначалу поразило. «Конон», – представился он, когда мы по какой-то необъяснимой взаимной симпатии быстро познакомились и сразу же сдружились.

«Как?» – изумился я, думая, что ослышался. «Конон, – повторил он, широко улыбаясь. – Так назвал меня отец в отместку за то, что его в свое время нарекли банальным именем Трофим...»

А в остальном он ничем особенным не отличался. Невысокий, скуластый, черноволосый, с неизменной смешинкой в раскосых глазах, одет в поношенные гимнастерку, галифе и не раз чиненные армейские сапоги. Только вот орденских планок было у него побольше, чем у других. «Храбрый, должно быть, парень», – сразу подумал я. А храбрый парень так же, как и все мы, грешные, дрожал мелкой дрожью перед входом к одному очень «жестокому», как все утверждали, экзаменатору. Был этот экзаменатор на вид вполне милым и респектабельным старичком с бородкой клинышком. Когда очередной кандидат в студенты начинал тонуть в волнах собственной неосведомленности, старичок вскидывал голову и грозно переспрашивал: «Как? Как?! Как?!» После этого уже никакое чудо не могло спасти обреченного на «неуд» абитуриента. А экзаменатор переходил на ехидно-ласковый тон: «Молодой человек, вы умеете кататься на велосипеде? Умеете. Очень хорошо. Так вот, идите и катайтесь. В вуз вам поступать рановато. Займитесь лучше спортом. Может быть, чемпионом станете».

У нас с Кононом обошлось, слава Богу, без грозных «как». Мы сдали экзамены и были зачислены на первый курс, правда, на разные факультеты: он – на юридический, я – на валютно-финансовый. Однако это не помешало нам продолжать дружить. Мне нравилась в нем неунывающая натура с налетом веселого цинизма, умение вовремя, без навязчивости прийти на помощь именно в тот момент, когда ты в этом здорово нуждался, нравилось его бескорыстие и удивительный оптимизм. Впрочем, стоп. Моему незабвенному другу я посвящаю отдельную главу.

...На втором курсе института я женился. Прожил я с Евой, своей супругой, более четверти века. Как и предсказывала гадалка, родила она мне двух прекрасных дочерей – Ольгу и Ирину. А потом мы развелись. Не скажу, чтобы для этого были веские причины. Помню, вычитал я у знаменитого сексолога Огюста Фореля, что среднюю продолжительность супружеской жизни между мужчиной и женщиной Мать-природа ограничила двумя десятками лет, чтобы, дескать, не появлялось на свет физиологически ущербное потомство... Черт его знает, может быть, это и так, а, может быть, и нет. Ева прошла со мной, как говорится, через огонь, воду и медные трубы. И ничего, кроме глубокой благодарности за верность и самоотверженность во всех перипетиях моей очень беспокойной жизни, я не испытываю к этой почти идеальной женщине с очень твердым характером.

Но я несколько нарушил хронологию событий. Годы учебы в институте пронеслись быстро, очень быстро. Во время учебы на валютно-финансовом факультете преуспел я зело в этих мудреных науках и очень пришелся по душе профессору Федору Петровичу Быстрову, читавшему нам основной курс. После сдачи государственных экзаменов профессор забрал меня в Валютное управление Министерства внешней торговли СССР и сделал меня сразу же старшим консультантом с весьма неординарным для молодого специалиста окладом. А через несколько месяцев Федор Петрович вызвал меня в свой кабинет и произнес: «Мы тут посоветовались и решили направить вас в краткосрочную загранкомандировку. Через неделю вы

поедете в...» «В Италию», – неожиданно для самого себя выпалил я. – «Правильно, в Италию – удивленно отреагировал начальник. – А откуда вы знаете? Кадры, что ли, проболтались?»

Да не кадры. Ведь сказала же моя гадалка, что поеду я в страну того морехода, душа которого переселилась в меня. А какой еще страной могла она быть, кроме Италии?

Приехал я в Вечный город, помню, к вечеру. Встречающих на вокзале было более чем немного. На перроне стоял один лишь завхоз Торгпредства. Покосившись на мой потрепанный чемодан, он произнес, на мой взгляд, очень непонятную фразу: «И почему же тебя принесло именно в воскресенье?»

– Я в этом не виноват, и не сердитесь на меня, ради Бога, такой достали билет. Если можете, то возьмите мой багаж и покажите дорогу к Колизею. Очень мне хочется посмотреть на него.

Моя страсть к незамедлительному посещению исторических памятников не вызвала, однако, у завхоза никакого энтузиазма, хотя и мог он с легкостью от меня избавиться. Подозрительно посмотрев на меня, завхоз подумал и, махнув рукой, сказал:

– Ну, ладно, все равно день пропал. Поедем, покажу я тебе этот кошкин дом...

Темная громада древнего цирка казалась таинственной и прекрасной. Выйдя из автомобиля и подходя к нему, я невольно ускорил шаги. Воображение породило в ушах звуки фанфар, рев диких зверей, звон мечей... Но внутри цирка было сыро, темно и тихо. В лабиринте обвалившейся замшелой арены суетливо шмыгали оголодавшие кошки и голодно мяукали. В голову начали приходить разные философские мысли: о падении, о времени, которое есть субстанция необратимая.

– Ну что, насмотрелся, чай? Поедем в гостиницу, ужинать пора.

Да, завхоз, конечно, не был романтиком...

Моя командировка проходила в Торгпредстве на улице Клитунно, 46. До сих пор помню адрес! Задание своего шефа я выполнил хорошо. Одновременно написал экономический обзор по Италии за полугодие, чем очень обрадовал торгпреда Павла Ивановича Соловьева, который ровно через три месяца затребовал меня к себе в качестве старшего экономиста. Я, естественно, не сопротивлялся.

Четыре года работы в Торгпредстве, конечно же, не прошли даром. Я еще больше полюбил Италию. Мне довелось принимать участие практически во всех больших и малых торгово-экономических переговорах, познакомиться со многими государственными и политическими деятелями, банкирами, капитанами итальянской индустрии, в том числе с удивительным человеком, президентом мощного итальянского нефтеметанового общества ЭНИ Энрико Маттеем, чью жизнь много лет спустя я попытался спасти, уже работая в Италии под двумя «крышами».

Не скрою, что в этот период итальянской своей жизни привлек я внимание тогдашнего резидента, очень милого, но абсолютно неграмотного в итальянских делах человека. На доверительной основе, а иногда приглашая в ресторан поужинать, Пал Николаич получал от меня бесплатные консультации по самым сложным экономическим и особенно валютно-финансовым проблемам, которые ему поставляли итальянские источники, то есть агенты.

Кстати, именно от него получил я первый урок, который пригодился мне в последующей работе. «Самое главное у разведчика – это интуиция, – поучал он меня, раздобрев от выпитого вина. – Какие бы проверки ни были, но только интуиция поможет тебе разобраться, кто же кандидат на вербовку: порядочный, честный человек или провокатор и сволочь». Интуиция, видимо, подсказала ему, что имярек – порядочный человек, и он, добрая душа, дал на меня наводку в тогдашнее Министерство государственной безопасности, вернее, в его отдел кадров.

Именно представитель «кадров» – товарищ Акулов – вел со мной душевную беседу с глазу на глаз в помещении парткома Министерства внешней торговли. Сначала он подробно рассказал мне мою биографию, особенно отметив как положительный фактор отсутствие

евреев в моих трех поколениях как по линии матери, так и по линии отца. Затем заявил, что я хороший, грамотный внешнеторговый работник, примерный член КПСС с истинно пролетарским происхождением, активист и общественник, безотказный помощник «органов» за рубежом и вообще «свой» парень. Далее товарищ Акулов поведал мне о бедственном положении государственной безопасности после расстрела английского шпиона, злодея и развратника Лаврентия Берии с его «опричниками».

– У нас плохо с кадрами внешней разведки, товарищ Колосов... Не хотели бы вы поработать в нашей «конторе»?

– В качестве кого?

– Ну, скажем, заместителя торгпреда в Италии с исполнением, естественно, ваших прямых обязанностей...

– Можно подумать несколько дней? Мне хотелось бы посоветоваться со своим начальством.

– Зачем? Министр Патоличев уже подписал бумагу о вашем переходе в наше ведомство. Может, вы имеете что-то против?

– Нет, но...

– «Но» будет потом. А сейчас готовьтесь к учебе в нашей разведшколе.

Кадровики потом мне говорили, что в советскую разведку не берут тех, которые или очень хотят, или, наоборот, очень не хотят работать в секретной службе. Я, видимо, оказался «золотой серединой» и поэтому весьма пришелся по душе товарищу Акулову.

В разведшколе № 101 я окреп нравственно и физически, научился стрелять из пистолета и других видов оружия, безболезненно и даже нахально водить автомашину, «уходить» от наружного наблюдения, фотографировать во всех вариантах, открывать отмычкой сейфы, относиться с иронией к социалистической законности (советский гомосексуалист – это плохо, а «голубой» – кандидат в агенты – это хорошо), горячо любить всех членов Политбюро ЦК КПСС, целомудренно относиться к советским женщинам и особенно – не желать жены ближнего своего, не бояться тратить крупные суммы казенных денег – лишь бы шли они на дело «строительства коммунизма», прикидываться таким рубахой-парнем, которому море по колено, беречь, как зеницу ока, своих немногих, но проверенных долгими годами истинных друзей и даже прыгать с парашютом, правда, с существовавшей тогда любительской вышки в Парке культуры им. Горького.

Попал я по распределению в один из европейских отделов Первого главного управления КГБ СССР и сразу же понял, что завет моего наставника из 101-й школы: «Чем меньше знаешь, тем дольше живешь» – очень правильный. Даже самая говенная бумажка несла на себе гриф «совершенно секретно», не говоря уже о страшных документах «особой важности», то бишь делах зарубежных агентов, «телег» на ненадежных советских граждан (потом их назовут диссидентами) и так далее. Зато уж здесь я приучился к «немецкому» порядку: попробуй забудь что-нибудь, где-нибудь, или, не дай Бог, потеряй... Дружба в КГБ между сотрудниками – вещь весьма специфическая. Бытовал такой анекдот. Встречаются два друга после очень долгой разлуки. Один спрашивает другого: «Где пропадал?» – «Сидел в тюрьме». – «Из-за чего?» – «Из-за лени... Понимаешь, рассказал антисоветский анекдот соседу по квартире, он раньше меня на полчаса прибежал в КГБ...»

Я активно готовился к защите диссертации. Опубликовал несколько статей о политике и экономике Италии, в том числе во «Внешней торговле» и «Известиях». Однажды вызвал меня в свой кабинет начальник отдела. Перед ним на столе были разложены ксерокопии моих статей.

– Мой дорогой, вы, оказывается, обладаете еще и журналистскими способностями?

– Да, пописываю кое-что. Вот диссертация...

– О диссертации потом. А что, если вам поехать в Италию корреспондентом «Известий»? Алексей Аджубей – мой добрый приятель.

Через неделю я сидел в кабинете главного редактора «Известий» и зятя Никиты Сергеевича Хрущева (что было весьма немаловажно) Алексея Ивановича Аджубея. Разговор состоялся для меня неожиданный и стремительно короткий, как автоматная очередь.

– Мы читали ваши статьи по Италии...

– Большое спасибо.

– Плохие статьи, унылые, не для широкого читателя.

У меня отвисла челюсть, но Аджубей вдруг широко улыбнулся.

– Хотите опять в Рим? Собственным корреспондентом «Известий»?

Я промычал что-то нечленораздельное.

– Завтра выходите на стажировку в отдел. Я уже дал соответствующее указание. Стажировка будет максимально короткой. В августе вы должны быть в Риме. Пишите о политике, скандалах, мафии и даже о проститутках. Это же колоссальная социальная проблема в Италии...

– О проститутках?!

– Возьмите интервью у какой-нибудь достаточно яркой и интересной. Заплатите ей. Расходы мы возместим. Но только интервью, понимаете? Использовать ее по назначению запрещаю. Иначе положите партбилет. С Богом...

Первое свое интервью я брал у хорошенькой и молоденькой проститутки на «аллее любви» неподалеку от Олимпийского стадиона. Дело происходило после полуночи, когда полиция не очень шурует среди представительниц первой древнейшей. Я посадил молоденькую красавицу в только что купленную корпунктовскую «Джувьетту» и сразу же заплатил целиком названный ею «гонорар». А затем, отъехав, по ее указанию, в укромное место, попросил рассказать о том, как она попала на панель. Мариза – так она себя представила – очень удивилась, но рассказала трогательную историю своего «падения». «Ну, вот и все, – сказал я, закрывая блокнот, – куда тебя отвезти?» – «Ты что, ошалел? – голос Маризы дрожал от гнева. – А фар amore?» – «Заниматься любовью будем завтра, – успокоил я ее, сам находясь в возбужденном состоянии. – Ты профессионалка, да? И я профессионал. Мне к утру репортаж передать надо. Так что целая ночь работы. Нельзя расслабляться». – «Хорошо, отвези меня на старое место, – обиженным тоном произнесла девушка. – Только пожалеешь об упущенном удовольствии».

Я отвез Маризу на прежнее место. Она вышла из «Джувьетты» и, скорчив презрительную мину, бросила напоследок: «Ты все-таки кретин, милый! Или импотент...» Потом, подумав, добавила уже с интересом: «А может, ты русский?»

Репортаж напечатали в «Неделе» – воскресном приложении к «Известиям». Назывался он «Выброшенные на панель». Будучи в отпуске, зашел в кабинет к Алексею Ивановичу. «Леонид Сергеевич, скажи честно (Аджубей называл меня или Лёня, на „вы“, или Леонид Сергеевич, на ты), ты тогда м-м-м... употребил эту интервьюируемую?» – «Нет, Алексей Иванович. Ей-Богу, нет!» – «Врешь, наверное?» – «Честное слово, не вру...» – «Ну, ладно, не болтай ерунды... Иди». Я не болтал и не врул. Действительно, ничего тогда не было. Я очень боялся «наружки», хотя Маризу помню до сих пор...

Но, помимо проституток, политических скандалов и мафиозных дел, мне надо было уже заниматься своей основной работой. Я получил в наследство от своих уехавших коллег нескольких уже работавших с нами, проверенных итальянских агентов. Но нужно было искать и вербовать новых. Основное направление мне было определено в нескольких, так сказать, ракурсах. Государственные и политические деятели страны, их окружение. Экономика, внешняя и внутренняя политика. «Итальянское социальное движение», то бишь неофашисты. Левые экстремисты и терроризм вообще. Мафия, ее связи и даже масоны.

Я работал со многими итальянскими агентами, некоторых из них завербовал лично. Многие умерли за долгие годы, пролетевшие с того момента, когда я поставил точку на своей разведывательной деятельности, некоторые еще живы. Самым первым моим делом по приезде в

Италию было восстановление связи с членом итальянского парламента от социалистической партии по кличке «Немец». Он числился в нашей сети как уже завербованный агент, но постоянно нарушал правила конспирации, не являлся на условленное место – у древней статуи «Водоноса» на маленькой улочке Лата в самом центре города.

Обсудили мы с резидентом создавшееся положение и решили, что, проверившись хорошо в городе, я позвоню «Немцу» по телефону и зайду к нему, дабы восстановить прерванные отношения. Я так и сделал, представившись корреспондентом «Известий». Сухо, официальным тоном он ответил, что ждет меня дома примерно через полчаса. Встретил он меня почему-то в трусах и майке, привел на кухню, объяснив: «Мне надо попарить ноги, а то болят очень». В кухне действительно стояла маленькая ванночка, из которой шел пар и воняло каким-то экзотическим зельем. «Слушаю вас», – процедил сквозь зубы депутат, опустив ноги в ванночку. Вначале я поблагодарил его за прежнюю работу, сказав, что переданная им ранее информация дала нам возможность более объективно оценивать внутривостановительное положение в Италии. «Кому это нам?» – побледнев, настороженно спросил «Немец». «Заинтересованным кругам», – ответил я. Затем я попросил его, небезвозмездно, разумеется, написать для меня материал о противоречиях, раздирающих итальянскую социалистическую партию. Он согласился. Самую большую помощь оказал он нам во время переговоров советской делегации с концерном «Фиат» о строительстве автомобильного гиганта на берегу Волги в будущем городе Тольятти, а также во время встречи главного редактора «Известий» с папой Римским. Об этом в хронологическом порядке пойдет речь дальше.

Глава 2

Папа и зять

Пусть вас не смущает, дорогие читатели, заголовок этой главы. Речь пойдет отнюдь не о банальной семейной истории. Под папой подразумевается его Преосвященство папа Римский Иоанн XXIII, в миру Анджелло Джозеппе Ронкалли, под зятем – Алексей Иванович Аджубей, в миру просто Алеша, бывший главный редактор газеты «Известия», ставший таковым в значительной степени из-за того, и он сам этого никогда не отрицал, что был зятем бывшего Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева.

Я сохраняю по сей день глубочайшее уважение и к Иоанну XXIII, и к Алексею Аджубею, этим, конечно же, разнозначным в нашей общечеловеческой истории, но по-своему неординарным личностям, а рассказать хочу всего лишь об одном эпизоде из их богатой всяческими событиями жизни – о неофициальной встрече в Ватикане, которая состоялась в марте 1963 года, и о том, что ей предшествовало, хотя предвещала она революцию в отношениях со святым престолом. В изданной еще при жизни Алексея Ивановича Аджубея его книге «Крушение иллюзий» несколько страниц посвящено этому событию, но о нем рассказывается в допустимых по тем временам рамках, без той «кухни», на которой готовились различные варианты предстоящей встречи. В книге все выглядит логично и просто. Алексей Аджубей приезжает в Рим по приглашению общества «Италия – СССР». Но это формальность. На самом деле задача его состоит в том, чтобы выяснить реальные возможности визита Н. С. Хрущева в Италию, о котором высокопоставленный тесть уже давно думает. В это время Иоанн XXIII созывает в Ватикане пресс-конференцию специально приглашенных итальянских и зарубежных журналистов. Вот как это все преподносится в книге: «Вместе с моим коллегой Леонидом Колосовым, в ту пору постоянным корреспондентом „Известий“ в Италии, я очутился через несколько дней среди заинтригованной толпы газетчиков в апартаментах Иоанна XXIII. Это было для меня большой удачей, ведь именно отношение Ватикана к его возможному визиту в Италию беспокоило Хрущева... Ко мне обратился один из служителей государственного секретариата Ватикана. „Святой отец просил приветствовать приход в его дом журналистов из России, – ска-

зал он бесстрастным тоном, затем отвел меня в сторону и добавил: – Если изъявите желание, может состояться и личная аудиенция...“ В ответ на утвердительный кивок сообщил: „Вам все станет ясно во время церемонии“... Иоанн говорил тихо и спокойно, без аффектации, скорее беседовал. Он даже подался вперед, чтобы быть ближе к слушателям; казалось, вот-вот сойдет со своего трона и сядет рядом с нами... Неожиданно из-за спины ко мне по-русски обратился священник в черном: „Я – Александр Кулик, сотрудник папского Восточного института. Если вы хотите получить аудиенцию, мне поручено проводить вас к святому отцу и быть переводчиком. Задержитесь в зале после завершения церемонии“».

Все было так, хотя и не совсем... Пролетело уже много лет, и теперь я, наверное, вправе раскрыть некоторые детали этой встречи, то, чего не мог сделать Алексей Аджубей по вполне понятным причинам. Ну, хотя бы потому, что он не решался, когда вышла его книга «Крушение иллюзий», написать, что корреспондент «Известий» в Италии Леонид Колосов был в то время старшим лейтенантом внешней разведки КГБ СССР и за помощь главному редактору «Известий» в трудоемкой «работе» с Иоанном XXIII даже получил внеочередное звание. Но прежде чем поведать вам, читатель, о «тайнах ватиканского двора», разрешите, елико возможно, рассказать о Ватикане, работа против которого входила в сферу моей разведывательной деятельности. Сегодня я, конечно, взял бы слово «против» в кавычки.

...Неохватная площадь Святого Петра, выложенная серой брусчаткой, делает человека маленьким, а толпу безликой. Может быть, так и была задумана эта площадь, окруженная знаменитой трехрядной колоннадой Бернини, смыкающейся на древнем Соборе, чтобы подчеркнуть недолговечность человеческого существа и неподвластность разрушительному Времени сросшихся с землей массивных колонн и самой обители Божьей, кажущейся незыблемой скалой и воздушным мраморным облаком одновременно. Кто знает, может быть...

Есть такое удивительное место на площади, с которого три колонны вдруг сливаются в одну единственную. Так было задумано одним из самых талантливых певцов архитектуры Вечного города скульптором Бернини. Мираж? В общем-то, как и сама католическая религия, которая, тем не менее, существует уже не один десяток веков. А вот государство Ватикан – это уже не мираж, а объективная реальность. И в том месте, где несмыкающиеся объятия колоннады открываются в сторону римской улицы Кончилиационе, меж ними проведена по асфальту белая полоса – граница этого карликового государства с 44 гектарами площади и населением немногим более тысячи человек. Но если верить ватиканской статистике, 18 процентов всего населения нашей планеты – католики. В разных странах-государствах находится более четырехсот тысяч священников и монахов и более миллиона монахинь. Сие, так сказать, людские резервы Ватикана, государства, находящиеся вне его границ, но исповедующие католицизм и подчиняющиеся католической церкви. Если соединить воедино земли всех монастырей, соборов, церквей, миссий, благотворительных обществ, учебных заведений, принадлежащих Святому Престолу, получится не столь уж малое государство, обладающее к тому же солидной экономической базой. Данные о бюджете Ватикана, его доходах и расходах, хранятся в строжайшем секрете. Но сами итальянцы считают, что одни только «святые» вклады в банках достигают огромной суммы, равной примерно всему годовому бюджету Италии. Если прибавить к этому крупную земельную собственность, принадлежащую Ватикану, его участие в различных финансовых и промышленных предприятиях, то получится, что «Акционерное общество Ватикан», как образно называют Святой Престол на Апеннинах, может свободно соперничать по своей финансово-экономической мощи с любым европейским государством. На сорокачетырехгектарной территории государства Ватикан разместились папская резиденция, собор Святого Петра, вокзал Ватиканской железной дороги длиной в 700 метров, почта и телеграф.

Святой Престол имеет свою радиостанцию, телестудию, свои газеты и иные средства информации, а также тюрьму, в которой отбывают заключение за несвятые дела подданные

государства. В папской резиденции разместились апартаменты папы, помещения папской гвардии, центральные учреждения католической церкви, библиотек архив, бесценные картинные галереи с шедеврами самых знаменитых мастеров всех времен и народов. Вход в Ватикан охраняют два стражника из швейцарской гвардии в экзотических костюмах, сшитых в свое время еще по эскизам Рафаэля. У дверей собора Святого Петра тоже стражники, но уже в гражданском платье. Они внимательно следят, чтобы в храм Божий не проникли миряне в шортах, мини-юбках, то бишь голоногие или голоплечие туристки. А они все же пытаются проникнуть на реставрированную «Пьету» Микеланджело, которую пытался разбить молотком австралийский сумасшедший. Мне довелось увидеть изуродованную статую и плачущего папу Павла VI, который незамедлительно прибыл на место трагического происшествия. Папы, оказывается, тоже плачут...

Плачут еще и потому, что весьма озабочены тем, как сохранить церковь, когда летают спутники, когда Луна перестала быть божественно нетронутым телом, когда догму о непорочном зачатии Христа научно и на практике опровергают школьники начальной ступени, презирующие презервативы, а легенда об «абсолютной непогрешимости» пап не выдерживает даже малейшего соприкосновения с историей.

Итак, заглянем и мы ненадолго в историю католической церкви. На правом берегу Тибра в те времена, когда он еще утопал в зелени, а чистота его вод могла сравниться разве что со слезой младенца, возвышался холм, который был любимым местом прогулок юношей и девушек, назначавших здесь любовные свидания. Но не только их страстные признания тревожили ленивый сон вечнозеленых пиний и платанов. Облюбовали этот холм и римские жрицы – предсказательницы будущего, которых называли ватикиниями. Влюбленным всех эпох – далеких и близких – всегда ведь интересно знать, что ждет их в будущем. Ватикинии пользовались этим извечным любопытством не безвозмездно, разумеется, гадая на линиях рук и расположениях звезд. Не уверен, будет ли кто-либо утверждать, что этот холм был назван Ватиканским в честь ватикиний. И, конечно, не эти древние жрицы предсказали, что в 756 году расположившаяся на Ватиканском холме резиденция папы – главы католической церкви – станет центром папского государства. Но тем не менее... Легенда, на то она и есть легенда. А вот что пишет по этому поводу итальянский историк Карло Ботта: «Когда Рим перестал быть резиденцией государей, жители Рима начали обращаться со своими нуждами к папам. Христианские епископы, начиная с III века, стали называться папами от греческого слова „папас“ – отец. Затем это звание осталось лишь за римским епископом, и наконец, только за главой католической церкви, который в конце концов стал главным лицом в Риме. Мало-помалу все свыклись с мыслью, что жители Рима были его подданными, и на него стали смотреть как на правителя...»

Чтобы усилить и абсолютизировать власть римского епископа над всей христианской религией, был придуман миф о том, что все римские папы есть не кто иные, как всамделишные преемники апостола Петра, который по указанию самого Иисуса Христа явился к христианским мученикам в Рим и основал там первое епископство. Но обратимся к книге французского философа Поля Гольбаха «Галерея святых», который почти два века тому назад писал: «Ученые критики доказали, что путешествие Св. Петра в Рим вымышлено и что история его мученичества при Нероне основана только на недостоверном предании... и на некоторых легендах, которые здоровая критика вынуждена отвергнуть... А так как эти легенды и недостоверные слухи соответствовали политическим целям и интересам римских епископов, то они делали все возможное, чтобы внушить доверие к ним. Очевидно, они считали выгодным выдавать себя за преемников Св. Петра, тем более что в принятых у христиан Евангелиях они вычитали, что этот апостол был первым служителем Христа, его правой рукой во всех начинаниях, хранителем его тайн».

Тайн было не так уж много, и основная заключалась в том, чтобы любыми средствами, начиная от красивых сказок и кончая кострами инквизиции, сохранять власть католической

церкви и приумножать ее богатства. Христианство, возникшее как религия рабов и вольноотпущенников, как религия угнетенных и обездоленных, как бессильный протест рабов, землевладельцев и городской бедноты против насилия сильных мира сего, превратилось в итоге в основной инструмент этого насилия. Христианство, как вы знаете, отличается от католицизма большей, скажем так, мягкостью нравов. Но при всей кажущейся строгости католической религии: обязательности безбрачия, воздержания и так далее, которые церковь пытается объяснять «нравственными мотивами», сие есть не что иное, как сказка для простачков. Папа Григорий VII, установивший в конце XI века celibat – безбрачие католического духовенства – руководствовался отнюдь не моральными, а чисто экономическими соображениями, ибо не хотел допускать дробления церковного богатства, то есть, короче говоря, упразднил институт наследования. Что же касается «чистоты жизни» и «воздержания», то история донесла до наших дней описание безобразных оргий, которыми «прославились» монастыри, как женские, так и мужские, превратившиеся в бастионы пьянства и разврата. Да и сами папы не отличались «святой» жизнью. У них были и жены, и любовницы...

Вот так. А ведь на протяжении многих веков римские папы всеми силами добивались признания за ними «абсолютной непогрешимости». И это более чем понятно. Как можно совместить служение Богу с грязью и развратом, которые сопутствовали жизни многих пап? Они хотели быть вне критики, но этому противились не только светские власти, но и сами рядовые католики. И только в 1870 году в Ватиканском Соборе под яростным нажимом представителей ордена иезуитов был принят догмат о папской непогрешимости...

А вот Вечный город, местожительство пап, в Средние века продолжал оставаться одним из крупных центров проституции. «До такого состояния дошла жизнь священства, – писал римский викарий Ботта, – что нет ни одного, который не имел бы сожительницы или проститутки». Ульрих фон Гуттен, яростный борец против пап, едко высмеивал в своей сатире против Рима нравы, царящие в этом городе: «Три вещи приносят с собой странники из Рима: нечистую совесть, расстроенный желудок и пустой кошелек... Три вещами торгуют в Риме: Христом, священническими местами и женщинами... Три вещи ценятся особенно дорого в Риме: женская красота, превосходные лошади и папские грамоты... Три вещами занимаются праздные люди в Риме: прогулками, блудом и играми... Три вещами подчиняет себе Рим все: насилием, хитростью и лицемерием... Три вещи в избытке в Риме: проститутки, священники и писцы...»

В 1870 году папское государство было ликвидировано. В Риме началось народное восстание против власти папы. Итальянский король, опасаясь, что бунт может разрастись, ввел свои войска в Вечный город, лишил папу светской власти, а территорию Ватикана присоединил к королевству. Папа Пий IX проклял всех, кто имел отношение к свержению его со «святого престола» и лишению светской власти, удалился в Ватиканский дворец и объявил себя «узником». Папского государства не существовало 59 лет. И только в 1929 году нуждавшееся в поддержке католической церкви фашистское правительство Муссолини подписало конкордат, или так называемые Латеранские договоры, с папой Пием XI, по которым на территории Вечного города, на Ватиканском холме, вновь создавалось государство Ватикан. Папа опять-таки был объявлен неограниченным владыкой мини-государства. Италия взяла на себя обязательство выплатить Ватикану за потери, понесенные им в 1870 году, 750 миллионов лир наличными деньгами и передать пакет ценных бумаг стоимостью в 1 миллиард лир. Конкордат узаконивал господствующее положение католической церкви в стране. Во всех школах было введено обязательное религиозное обучение. Между Муссолини и Святым Престолом наладились вполне джентльменские отношения. Ватикан поддерживал тесный союз и с Гитлером.

В 1939 году папский престол занял Пий XII, он же Евгений Пачелли, бывший нунций, то бишь ватиканский представитель в Германии. Его имя и деяния – одна из не очень симпатичных страниц истории католической церкви, если смотреть на нее из вчерашнего и даже

нынешнего дня. Именно Пий XII благословил мятеж Франко, который обернулся большой кровью для испанского народа. «С большой радостью мы обращаемся к вам, дражайшие сыны католической Испании, с тем, чтобы по-отечески поздравить вас с благословенным миром и победой, – писал папа новому испанскому диктатору, – которыми Господь соблаговолил увенчать вас». Католическая церковь отпущала авансом грехи гитлеровским солдатам, убивавшим стариков, женщин и детей на оккупированной территории бывшего Советского Союза. Пий XII ни разу не поднял своего голоса в защиту миллионов людей, которых душили в газовых камерах и сжигали в крематориях фашистских лагерей смерти. И тот же Пий XII не постеснялся призвать к милосердию по отношению к главным военным преступникам, попавшим на скамью подсудимых в Нюрнберге... Антикоммунистическая и профашистская позиция Ватикана во Второй мировой войне не прибавила авторитета всей папской верхушке не только в глазах рядовых католиков, но и всех людей планеты, особенно после окончания войны. Вот почему в условиях резкого падения престижа католической церкви явилась острая необходимость пересмотра позиций Святого Престола по целому ряду не только теологических, но и социальных проблем.

...Всех этих деталей, конечно же, не знал главный редактор «Известий» Алексей Аджубей, которого мы встречали на римском вокзале Термини в один из мартовских дней 1963 года. Он приехал вместе со своей женой Радой – дочерью Хрущева – и небольшой свитой разных официальных лиц (тогда о них писали: «...и другие сопровождающие лица»). На перроне высокого гостя приветствовали посол Семен Козырев, довольно пронырливый карьерный дипломат с весьма скандальным характером, вместе со своей второй, молодой, женой Татьяной, под стать ему ужасно злющей (видимо, по причине возрастной разницы с супругом), мой резидент в должности советника посольства, несколько посольских дипломатов высшего ранга, почти весь наш дружный журналистский корпус и итальянские представители общества «Италия – СССР», по приглашению которого прибыл в Рим главный редактор «Известий». После коротких церемоний на вокзале Аджубей отвезли в уютную гостиницу неподалеку от нашего посольства, где он, холодно попрощавшись с послом, которого почему-то сразу же невзлюбил, попросил «товарищей газетчиков» немного задержаться. Рада Никитишна ушла в другую комнату номера отдохнуть с дороги, а Алексей Иванович, раскрыв один из чемоданов, достал из него несколько бутылок «Московской» в экспортном исполнении по 0,75 литра и марочного армянского коньяка, две небольшие круглые коробки «кремлевской» селедки специального посла и баночки с черной икрой. Консервного ножа ни у кого не оказалось, хлеба – тоже. Заказывать хлеб Аджубей запретил. Посему открывал селедочные банки я при помощи перочинного ножа. Рюмки и фужеры нашлись в серванте номера, посему никаких проблем не возникло. Мы расстелили на столе многополосный номер свежей коммунистической газеты «Унита», взяли каждый в руку по селедке, наполнили фужеры, и импровизированный пир начался... Пили за великий Советский Союз, нашего дорогого Никиту Сергеевича, за Кузькину мать (любимое выражение Хрущева) и, конечно же, за талантливейшего газетчика Алешу Аджубея. Нагрузились все основательно. «Дорогие друзья, – сказал наконец главный редактор „Известий“, – завтра тяжелый день... Идите-ка вы все к... отдыхать. А вы, Леня, останьтесь»...

Аджубей называл меня или «вы, Леня», или «ты, Леонид Сергеевич» в зависимости от быстро меняющегося настроения. Вдвоем, когда не было посторонних, мы обращались друг к другу на «ты», и он предложил мне называть его «просто Алешей». Алексей Иванович по-своему любил меня и елико возможно защищал от всяких неприятностей. Я тоже очень ценил этого хотя и сложного, но, безусловно, талантливого человека и сохранил мое искреннее восхищение им, несмотря ни на что, до конца дней своих.

– Леня, теперь несколько слов о политической обстановке и самом папе Иоанне. Только не надо длиннот с ненужными подробностями, а более частные проблемы мы обсудим (он показал пальцем на стены и потолок, где наверняка были вмонтированы подслушивающие

устройства) с тобой во время прогулки. Об Иоанне XXIII я расскажу вам, читатели, немного подробнее, чем тогда главному редактору «Известий», поскольку папа, в общем-то, основная фигура моего повествования.

...Папа Иоанн XXIII был 258 по счету кормчим Ватикана, взошедшим на престол в совершенно новой политической обстановке, в которой старые, испытанные методы правления предшественников уже не могли дать ожидаемых результатов. Действительно, как можно заставлять верить людей в «божественные чудеса» на земле, загробную жизнь, рай и ад и в то же время признавать не противоречащую божественной истине техническую революцию?.. Как можно заставлять верить в «добрые начала» капитализма и в то же время сокрушаться по поводу «социальной несправедливости», безработицы и нищеты миллионов тружеников планеты? Как можно было примирить утверждение папы Пия XII о том, что якобы сам Бог предназначил Соединенным Штатам быть руководителем мира, с кровавыми делами американских солдат в шестидесятых годах на вьетнамской земле, с планами мирового господства американских монополий?

Иоанн XXIII вошел в историю как «добрый папа». Заметим, может быть, в качестве парадокса, что это имя носил в 1410 году бывший морской разбойник и пират, пробравшийся путем хитроумных интриг на папский престол. Это не помешало ему председательствовать в 1414 году на церковном соборе в Констанце и отправить на костер Яна Гуса, обвиненного в ереси...

В апреле 1963 года папа Иоанн XXIII подписал одну из своих наиболее популярных энциклик «Пацем ин террис» («Мир на земле»). В этом документе папа особо подчеркивал рост значения трудящихся классов в современном мире, участие женщин в общественной жизни и утверждение принципа равенства всех людей, независимо от их расовой принадлежности. Большой раздел энциклики был посвящен вопросам отношений между государствами. Папа Иоанн XXIII выражал тогда озабоченность в связи с продолжающейся гонкой вооружений, на которую «затрачивается духовная энергия многих людей и огромные материальные ресурсы». В результате гонки вооружений, продолжал папа, «люди все время живут под постоянным страхом, ожидая смертельного урагана, который может разразиться в любой момент...»

Отвергая, по существу, точку зрения тех, кто говорит об обеспечении мира лишь путем равновесия вооруженных сил, папа заявлял: «Справедливость, мудрость и гуманность требуют, чтобы была прекращена гонка вооружений, чтобы были одновременно и параллельно сокращены уже существующие вооружения, чтобы было запрещено ядерное оружие и чтобы наконец-то было осуществлено разоружение в соответствии с общим согласием и под эффективным контролем... Критерий мира, основанного на равновесии вооружений, должен быть заменен принципом, согласно которому подлинный мир может быть установлен лишь на основе взаимного доверия».

Осенью 1962 года папа Иоанн XXIII собрал Вселенский собор, о котором и не помышляли после первого Ватиканского Вселенского собора, разрешившего папам не созывать соборы. Но Иоанн XXIII, решивший провести много реформ, умер, когда шла лишь первая сессия собора. Его преемником стал Джованни Батиста Монтини, вошедший в историю папского престолонаследия как Павел VI. Кстати, когда Монтини был еще государственным секретарем Ватикана, Иоанн XXIII называл своего будущего преемника «его преосвященство Гамлет». Действительно, папе Павлу VI были свойственны сомнения, колебания. И не только это. Папу Иоанна XXIII называли добрым, а Монтини ушел как человек, оставшийся загадкой. И, может быть, не такой уж неожиданной сенсацией стала нашумевшая в свое время статья прогрессивного американского журналиста Стэнли Карноу, который раскрутил историю о том, как Центральное разведывательное управление США снабжало деньгами Павла VI, когда он был кардиналом Монтини и возглавлял антикоммунистическое движение молодых итальянских католиков. Но это уже, как говорится, совершенно другая история.

...А тогда в гостиничном номере я в телеграфном стиле рассказывал Алексею об Иоанне и политической обстановке в Италии. Она была весьма сложной, ибо уже начинала набирать темпы предвыборная кампания. Все без исключения политические партии, а их, как известно, очень много на Апеннинах, на чем свет стоит обвиняли друг друга во всех смертных грехах, возможных и невозможных. Коснулась критика и папы. В печати в начале марта 1963 года появились взбудоражившие всех сообщения о том, что Анджело Джузеппе Ронкали, то бишь Иоанну XXIII, будет присуждена престижная премия Э. Больцана «За мир и гуманизм» и что папа решил с благодарностью принять ее. Папу поносили практически все газеты, кроме коммунистических и социалистических, ибо в поступке Иоанна XXIII усматривалось отступление от наиважнейшего правила всех предыдущих пап: никогда и ни от кого не принимать мирских наград. «Оссерваторе романо», основная ватиканская газета, и та, в мягкой форме, правда, упрекала Владыку в некотором отступлении от вековых традиций. Но папа не сдавался.

...А потом мы вышли из гостиницы на вечернюю прогулку с Аджубеем, ибо предстоял секретный разговор. Дело в том, что примерно за неделю до приезда зятя Никиты Хрущева совпосольство и римская резидентура КГБ получили указания выяснить возможность аудиенции Аджубея у папы римского. Резидент поручил мне заняться этим делом. Я, в свою очередь, задействовал двух моих агентов. Один – видный итальянский политический деятель – был тесно связан с ватиканскими кругами, другой активно сотрудничал с газетой «Оссерваторе романо» – основным печатным органом Святого Престола. Оба они уже передали очень важную информацию. Алексей Иванович начал разговор сразу же, как мы вышли из отеля.

– Леня, тебе говорю об этом первом в Риме. Поручение, которое мне дал Никита, гораздо сложнее, чем вам сообщили. Мне необходимо выяснить не только возможность визита нашего Генерального в Италию и его встречи с папой, но и договориться, если это представится возможным, о заключении международного соглашения с Ватиканом и взаимного открытия посольств в Москве и Риме. Позиции Хрущева в Политбюро ухудшаются, ему нужно сотворить что-то из ряда вон выходящее. Понимаешь?

– Понимаю. По-моему, это очень сложно, Алеша. Пока мои агенты выяснили только то, что Иоанн согласен тебя принять. Но разговор будет сложным. Папа намеревается просить Никиту о прекращении преследования униатской церкви на Украине и вообще о смягчении всего режима отношений между нашим государством и православной церковью.

– Так... Тоже сюрприз. А как будем договариваться об аудиенции?

– Один из вариантов разработали. Сначала ты встретишься с личным представителем папы Виллибрандом. Он голландец и служит во внешнеполитическом ведомстве Ватикана. Вполне приличный, как мне сказали агенты, человек, один из самых близких к Иоанну людей. По нашим данным, ни на какую разведку не работает...

– На нашу тоже? – Аджубей, конечно, шутил.

– Естественно... С ним можно будет договориться о всех деталях предстоящей аудиенции. Во всяком случае, как ее представляет сам папа.

– Место встречи?

– Мой корпункт. Он находится неподалеку от нашего посольства на тихой римской улочке Виа Лаго ди Лезина. Его только что проверяли наши технари...

– Что-нибудь нашли?

– Нет.

– Странно.

– Просто не успели поставить. Ведь итальянские контрразведчики, как все итальянцы, довольно легкомысленные люди. Впрочем, мы предпримем кое-какие меры защиты. Ребята дали мне обстоятельный инструктаж.

– Дай-то Бог... Когда встреча?

– Послезавтра, в два часа дня. Если ты согласен, я передам подтверждение Виллибрандту.

– Хорошо. Только ты должен находиться безотлучно при мне. Встретаться будем втроем. Пусть твоя жена приготовит обед в русском варианте: водка, черная икра, селедочка с луком и так далее, включая гречневую кашу.

– Слушаюсь, товарищ главный. Только вот мой резидент приказал ежедневно находиться при нем.

– Пошли на хер своего резидента... В мягкой форме, естественно. Кстати, какое у тебя звание?

– Старший лейтенант...

– Как?! Собственный корреспондент «Известий» в чине районного участкового милиционера? Ну ладно, мы это дело поправим, Ленья...

Забегая вперед, скажу, что буквально дней через десять после отъезда Аджубея из Италии в резидентуру пришла короткая шифровка из Центра, в которой сообщалось о присвоении товарищу Лескову – таков был мой псевдоним – внеочередного воинского звания – капитан. Впрочем, поработал я тогда, честно говоря, неплохо, да и вообще трудился неплохо, ибо мне присваивалось внеочередное воинское звание...

Я привез Алексея Ивановича в свой корпункт на Виа Лаго ди Лезина примерно за час до встречи на новой «Джульетте» – быстроходной автомашине знаменитой компании «Альфа Ромео», которая была куплена тоже благодаря доброму отношению ко мне главного редактора «Известий». Моя жена уже все приготовила. На столе, накрытом на троих, красовались истинно русские блюда, как названные Аджубеем, так и изобретенные фантазией моей супруги, включая студень, клубнику со сливками и клюквенный кисель из настоящей клюквы, привезенной из отпуска и хранившейся в морозильной камере на случай экзотического приема. Помимо этого, в меню имели место быть суточные щи из квашеной капусты и баранья нога с гречневой кашей. Алексей Иванович все очень одобрил. «Спасибо вам за инициативу, – растроганно сказал он, обращаясь к жене. – Оригинальнее не придумаешь. Одна лишь еще просьба к вам. Извините, конечно, ради Бога, но мы не можем пригласить вас за стол вместе с нами. Уж больно серьезный будет разговор. Да к тому же иезуиты терпеть не могут женщин».

– Я все понимаю, Алексей Иванович, поэтому и стол накрыт на три персоны, – скромно ответствовала жена. – Не терзайте свою душу сомнением, тем более что и мой муженек не всегда сажает меня за стол, когда встречается с коллегами.

Посмеялись. А затем ровно в два часа раздался звонок в дверь корпункта. Приехал монсеньор Виллибрандт. Я сразу же присвоил ему псевдоним «Аскет». Высокий, худой, с сухощавым, абсолютно бесстрастным лицом, он вошел в цивильном черном костюме и только странная, тоже черная блуза с ослепительно белой стойкой воротничка, облежавшей его тонкую шею, видимо, должна была свидетельствовать о принадлежности нашего гостя к церковному сану.

...Забыл я сказать еще об одном таланте незабвенного Алексея Ивановича. Он умел вовлечь в застолье любого, даже самого праведного трезвенника. Не миновал чаши сей и монсеньор Виллибрандт. Уходил он от нас нетвердой походкой. Мертвенно-бледное вначале лицо его порозовело и обрело вполне человеческое и даже, я бы сказал, благодушное выражение. Не буду приводить стенографическую запись беседы между Виллибрандтом и Аджубеем, которая пошла шифротелеграммой Хрущеву, остановлюсь только на основных договоренностях. Их было три. Встреча с Иоанном XXIII состоится в его личной библиотеке, куда после пресс-конференции папы с журналистами по поводу вручения ему премии «За мир и гуманизм» будут приглашены синьор Алексей Аджубей и его супруга синьора Рада Хрущева. Это – во-первых. Во-вторых, разговор будет идти об условиях заключения межгосударственного соглашения между Ватиканом и Советским Союзом, а также о возможном визите в Италию Никиты Хрущева. В-третьих, встреча и особенно ее результаты не будут преданы огласке в печати.

Потом, через два дня, когда я на своей «Джульетте» отвез Раду и Алексея на пресс-конференцию папы Иоанна XXIII, все развивалось по заранее обговоренному сценарию. Сама

встреча подробно описана Аджубеем в его книге. Папа принимал супружескую пару в своей личной библиотеке. Я остался ждать Алексея Ивановича и Раду в Тронном зале. Алексей Иванович передал папе поздравительное послание Хрущева. Иоанн XXIII вручил ответное послание Никите Сергеевичу. Аджубей вышел из личной библиотеки папы радостно возбужденным.

– Срочно едем, Леня. Подробности потом. Никому ни слова о встрече. Ты знаешь, что мне сказал Иоанн устно? «Надеюсь, – так он сказал, – что когда господин Хрущев посетит Рим, мы оба найдем время, чтобы побеседовать с глазу на глаз. Ведь я уверен, что и Хрущев не побоится такой встречи...» Понимаешь, как поворачиваются дела? Но суров папа и хитер, хитер... А теперь срочно в посольство. Надо отправить шифровку тестю... Если мы заключим соглашение с государством Ватикан, этот факт войдет в мировую историю и поднимет невероятно политический авторитет Никиты.

Опять же втроем выехали мы на «Джувелетте» из ворот Ватикана. Я был за рулем, Аджубей сидел рядом со мной, Рада – на заднем сиденье. Машину окружила толпа журналистов. Я притормозил. В окошко просунулась взлохмаченная голова моего друга, талантливого журналиста из прокоммунистической вечерней газеты «Паэзе сера» Уго Маннони. «Леонида, – завопил он, отбиваясь от своих конкурентов, – дорогой мой, только одно слово! Была ли встреча твоего главного с папой? Мы задержали весь тираж в типографии в ожидании этого сообщения. Умоляю тебя!»

– Чего он орет? – строго спросил Аджубей.

– Это мой друг, Алексей Иванович, из «Паэзе сера». Он насчет встречи с папой. Они притормозили выпуск газеты. Что сказать? Он мой очень, очень хороший друг...

– Ты что, охерел, что ли? Скажи, что никакой встречи не было. Просто мы с Радой задержались, чтобы осмотреть картинную галерею Ватикана.

Все это я сказал Уго Маннони от имени синьора Аджубея, и он, благодарно кивнув головой, молниеносно удалился, чтобы дать несколько строк своего короткого интервью с главным редактором «Известий». А Иоанн не сдержал своего слова.

В газете «Оссерваторе романо» было опубликовано очень маленькое и совершенно неконкретное сообщение о его встрече с Алексеем Аджубеем.

На другой день рано утром в корпункте зазвенел телефон. Я сразу же узнал голос моего друга Уго Маннони.

– Леонида? Чао, дорогой! Слушай, как на русский переводится слово «путана»?

– Путана? Ну, проститутка или в просторечье блядь...

– А какая между ними разница?

– Разница? Точно не знаю, но в народе говорят, что проститутка – это профессия, а блядь – это свойство характера.

– Да? Так вот, ты настоящая блядь, Леонида...

О, сколько у меня ушло представительских бутылок водки, чтобы убедить Уго, что я тут ни при чем и что журналистика вообще профессия очень противная...

А в тот день мы писали шифровку о результатах встречи с папой Иоанном. Это, конечно, был триумф Аджубея. Хотя мне он сказал по секрету: «Вообще-то папа поставил очень жесткие условия перед Никитой в плане заключения межгосударственного соглашения: максимальное расширение религиозных свобод в Советском Союзе в обмен на трехсотмиллионную армию католиков, которая будет бороться за мир. А вообще игра стоит свеч. А тебе, Леня, большое спасибо за помощь. И не бойся гнева своего резидента после моего отъезда. Он сам тебя будет бояться».

Межгосударственное соглашение между Советским Союзом и Ватиканом не состоялось. Этому помешали, на мой взгляд, два обстоятельства: смерть папы Иоанна XXIII в июне 1963 года и снятие Н. С. Хрущева со всех постов в октябре 1964 года. А жаль. Потому что государ-

ство Ватикан – это очень серьезный партнер, дружеские отношения с которым были бы далеко не лишними для России...

Иоанн XXIII умирал очень тяжело от рака печени. Умирал в сознании и диких болях. Умирал, запретив делать себе обезболивающие уколы, ибо хотел доказать смертным, что и папы принимают на себя мирские страдания, так как ничем не хотят отличаться от простых людей. Плачущим над ним близким он сказал перед смертью: «Не горюйте так... Что такое жизнь? Это длинный коридор, по которому идет человек. А потом, в конце коридора, поворот. Направо или налево. И вот зашел человек за угол, и его нет. Смерть это? Не знаю. А может быть, его просто не видно, потому что он повернул за угол и продолжает шагать в бессмертие...»

Мог зайти за этот самый угол и я, правда, без твердой уверенности, куда пойду: направо или налево. Хотя пострадал за святое дело и я, грешный. Пострадал, правда, прикрыв собой Аджубея, ибо целились в него. Договоренности между Иоанном XXIII и главным редактором «Известий» не всем пришлись по душе. Определенные круги, а к ним относились правые христианские демократы, неофашисты и, как ни странно, левые экстремисты, назвали позицию папы «прокоммунистической», а его самого окрестили даже «агентом Москвы». Мои же настоящие агенты, помогавшие в подготовке всей ватиканской операции, забили тревогу, ибо получили сведения о том, что итальянские спецслужбы намерены осуществить целый ряд активных мероприятий, чтобы испортить успешно начавшуюся советско-католическую обедню, тем более что и американское ЦРУ серьезно забеспокоилось «поведением» папы Римского. Через некоторое время после встречи с папой Иоанном Аджубей, возвращаясь из своей очередной командировки, вновь оказался в Вечном городе. В Риме он провел всего два дня, поэтому мы решили обойтись без всяких официальных встреч. Мой газетный шеф привез очередную сенсацию. «Ты знаешь, – шепнул он мне, – видимо, мне предложат кресло министра иностранных дел». «А не лучше ли оставаться главным редактором „Известий“ и зятем Никиты?» – засомневался я. «Дурачок вы, Ленья, – перешел он вдруг на „вы“. – Ничего не понимаете. Вам же присвоили внеочередное звание за Ватикан? Присвоили. Вот и мне полагается за то же самое».

...Самолет, на котором Аджубей должен был возвратиться в Москву, вылетал рано утром с римского аэродрома Фьюмичино. Была ночь, когда я уходил из гостиницы, где остановился Алексей Иванович. Договорились, что в аэропорт он поедет в автомашине посла, а я последую за ним в эскorte провожающей посольской и журналистской братии. Однако не успел вернуться в свой корпункт, как задребезжал телефон. В трубке раздался голос Аджубея.

– Ты, знаешь, Ленья, я, пожалуй, поеду в твоей машине.

– Но посол обидится. Ведь он же хочет проводить по протоколу.

– Пускай обижается. Наплевать мне на протокол. Ты не загоняй, пожалуйста, автомобиль в гараж. Подъедешь к гостинице пораньше, мы еще немного поболтаем о делах.

Я оставил «Джувьетту» на улице. Оставил на всю ночь, хотя должен был прекрасно знать, что мой телефон прослушивается и что вообще разведчик не должен оставлять машину без присмотра. Не знаю, почему я так сделал, ей-Богу, не знаю. Может быть, потому, что даже представить не мог, что на жизнь моего главного могут посягнуть...

А утром узнал, что Аджубей все же поедет вместе с послом и его женой. Мы славно проводили Алексея Ивановича. Он расцеловался со всеми совжурналистами, а мне в качестве сувенира вручил килограммовую банку черной икры и несколько бутылок водки и коньяка. Вдохновленные поистине царским подношением, мои коллеги решили собраться после проводов в корпункте «Известий», чтобы просто так посидеть и потрепаться, благо, что и повод был налицо.

Моя «Джувьетта» резво бежала вслед за правдинским «ситроеном» по неширокой автострате Виа дель Маре (морская дорога), которую в народе прозвали «Виа дель Морти», то бишь «дорога смертников», за очень большое число аварий, на ней происходящих. Настроение было прекрасное, стрелка спидометра прыгала где-то между 130–140 километрами в час, по прием-

нику передавали полюбившийся мне новый американский шлягер «Хей, хей, Паула». Потом меня неожиданно и неумолимо потянуло влево, я ощутил сильный удар и куда-то полетел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.